

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: Н.А. Трапш С.195-203

Н.А. ТРАПШ

*кандидат исторических наук, доцент,
Южный федеральный университет*

ИДЕИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА НА ИМПЕРСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ОКРАИНАХ: АБХАЗСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О РОССИЙСКОМ СОЦИКУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Представленная статья посвящена комплексной характеристике оригинальных взглядов на российскую и региональную историю, сформировавшихся в индивидуальном мировоззрении абхазских интеллектуалов на рубеже XIX и XX столетий. Согласно авторской концепции предложенные идеи могут быть соотнесены с аналогичными историософскими построениями и прикладными исследованиями, осуществленными известными представителями сибирского областничества. Отдельные идейные конструкции, выявленные на абхазском материале, имеют универсальное значение, распространяющееся и на другие имперские окраины. Ключевые слова: Абхазия, интеллигенция, империя, этническая окраина, самобытность, автономия, историческая память.

N.A. TRAPSH

*PhD (History), Associate Professor
Southern Federal University (Rostov-on-Don)*

THE IDEAS OF REGIONALISM IN THE IMPERIAL ETHNIC SUBURBS: ABKHAZIAN INTELLECTUALS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY ABOUT THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL SPACE

The presented paper is devoted to the complex characteristics of the original views on the Russian and regional history, formed in the individual outlook of the Abkhaz intellectuals at the turn of the XIX and XX centuries. According to the author's conception of the proposed ideas can be correlated with similar historiosophical built and applied research, the implementation of well-known representatives of Siberian regionalism. Identified in the Abkhaz material some ideological structures are of universal significance, strife-over to the larger imperial other suburbs.

Keywords: Abkhazia, intellectuals, empire, ethnic suburbs, identity, autonomy, historical memory

Сибирское областничество сформировалось как закономерная попытка провинциальной интеллигенции осмыслить особую роль собственного

региона в предшествующем и современном социально-экономическом, политическом и культурном развитии России, связанном на протяжении нескольких столетий с активными колонизационными процессами. В интеллектуальном и политическом измерении областническая концепция, безусловно, являлось самым консолидированным проектом, обосновывающим региональную идентичность и противостоящим унифицирующей имперской парадигме. Однако аналогичные подходы к последовательному осмыслению собственного участия в историческом процессе формировались и в других регионах, среди которых особый интерес в данном ракурсе представляют национальные окраины. Принципиальным фундаментом подобных интеллектуальных построений, равно как и сибирского областничества, являлись системное развитие социального и исследовательского интереса к региональной истории, проявившегося еще на рубеже XVIII–XIX столетий и существенно развившегося в пореформенный период, и целенаправленная общественная актуализация конструируемой идеи об особых ментальных приоритетах местного населения.

Локальные историописательные концепции, создававшиеся на имперских окраинах, традиционно включали два принципиальных элемента: комплексное обоснование особого пути предшествующего развития избранного региона и вариативное позиционирование рассматриваемого политико-географического субъекта в общероссийском социокультурном и политическом пространстве. Применительно к первой части, следует заметить, что компаративистский анализ избранной проблематики вызывает серьезные затруднения, обоснованные противоположными подходами к системной оценке региональной истории. В частности, признавая экспансионистский характер масштабного «движения встреч солнцу», ведущие представители сибирского областничества поддерживали принципиальную идею об общем благотворном влиянии вольной русской колонизации для регионального развития. Напротив, формирующаяся интеллигенция национальных окраин, создавая оригинальные исторические концепции, видела в имперской экспансии преимущественно разрушительное начало, причем деструктивные практики государственного управления нередко прямо соотносились с доминирующим этносом, игравшим для Сибири совершенно иную роль.

Благоприятную почву для компаративистских исследовательских практик представляет комплексное осмысление дальнейшего функционирования избранных регионов в едином социокультурном и политическом пространстве. С одной стороны, новые поколения этнической ин-

теллигенции постепенно приходили к осознанному признанию того очевидного обстоятельства, что имперская экспансия не может рассматриваться в исключительно негативном ракурсе. Подобный подход определялся в значительной степени реальными особенностями предшествующего генезиса регионального интеллектуального сообщества, формировавшегося в российском образовательном и культурном пространстве. С другой стороны, сибирское областничество и молодая интеллигенция этнических окраин не ограничивались критическими оценками современной ситуации, рассматривая возможные перспективы самостоятельного развития избранных регионов вне имперского пространства.

В ограниченных рамках предлагаемого исследования, невозможно охарактеризовать интеллектуальные конструкции, создаваемые в каждом окраинном сегменте Российской империи в дифференцированные исторические периоды. Как представляется, достаточно репрезентативный материал для компаративистских изысканий представляют концептуальные построения, созданные формирующейся абхазской этнической интеллигенцией в конце XIX – начале XX в. и близкие по идейным установкам сибирскому областничеству.

В рамках подобного подхода необходимо обратиться к системному анализу творческого наследия трех выдающихся интеллектуалов и одновременно общественно-политических деятелей – С.П. Басария, М.И. Тарнава и С.Я. Чачба, которые не только сформировали принципиальные идеи об особом историческом пути Абхазии и естественной автономии избранного региона в российском пространстве, но и приняли непосредственное участие в практической деконструкции имперских властных структур в ходе революционных событий 1917 г. и последующей гражданской войны.

Интеллектуальные построения и политическая деятельность абхазской интеллигенции конца XIX – первой половины XX столетия стали естественным исследовательским объектом в рамках предшествующей историографической традиции, представленной фундаментальными трудами Г.А. Дзидзария, Х.С. Бгажба, С.З. Лакоба и С.Ш. Салакая [9; 10; 11; 13; 14; 15; 17]. Указанным исследователям удалось не только реконструировать личные биографии выдающихся предшественников и социокультурные условия, непосредственно влиявшие на творческую деятельность С.П. Басария, М.И. Тарнава и С.Я. Чанба, но и выделить значимые идеи, сформулированные самобытными мыслителями и имеющие универсальное значение. Особая роль в рамках соответствующей исследовательской практики принадлежит Г.А. Дзидзария, которому пришлось не только тщательно ин-

тегрировать разрозненные архивные материалы и личные воспоминания об абхазских интеллектуалах, но и отстаивать объективную необходимость полноценной публикации творческого наследия опальных политиков и ученых, подвергшихся необоснованным репрессиям в сталинский период.

Следует выделить несколько принципиальных обстоятельств, сближающих интеллектуальные конструкции и реальную деятельность указанных личностей с сибирским областничеством. С.П. Басария и М.И. Тарнава сформировали комплексное представление об исторической самобытности рассматриваемого региона, подтвержденное различными исследовательскими средствами. В частности, они обращали внимание на особый характер общественных и государственных отношений в Абхазии, органично интегрирующих как местные традиции, так и отдельные элементы византийского, османского и российского наследия. По образному замечанию С.П. Басария, «абхазцы о себе не могли говорить, ибо у них не было письменности, не было образованных людей... а между тем это один из древнейших народов Кавказа, выстрадавший в своем историческом прошлом немало и сохранивший каким-то чудом свою индивидуальность» [6, с. 19]. Аналогичные размышления высказывал М.И. Тарнава, видевший в церковной истории Абхазии естественное отражение эволюционного развития абхазского общества. Он полагал, что «много-страдальная абхазская церковь, претерпев ужасы на своем терновом историческом пути, чудом сохранила свой высоконравственный христианский облик. Пережив век царизма, век насилия над религией, Абхазская церковь это прискорбное, злое, жестокое время политиканства бывшей правительственной церкви использовала в смысле внесения в жизнь церковную многих самобытностей, не противоречащих основам христианского учения» [18, с. 18].

Абхазские интеллектуалы предложили целостный взгляд на объективную роль русского народа в предшествующем развитии абхазской истории, не ограничиваемую исключительным влиянием имперских административных институтов. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что соответствующие представления претерпели определенную эволюцию, связанную как с системным осмыслением регионального исторического процесса, так и с объективной трансформацией индивидуальных ментальных установок под непосредственным влиянием революционной перестройки общественных отношений в советскую эпоху [1; 2]. Первоначально абхазские интеллектуалы обращали преимущественное внимание на негативные последствия имперской экспансии, приведшей к многочисленным человеческим жертвам, системному упадку региональной экономики и трагическому массовому махаджирст-

ву [3; 4; 5; 7; 8; 16; 20]. В частности, С.П. Басария справедливо отмечал, что «опустевшие земли были розданы чиновникам, пришельцам <...> а лучшие горные части превращены в казенные. Однако и этим не кончилось: оставшиеся абхазцы объявляются “виновным населением”, лишаются прав на земли, коронной службы и проектируется план о “поголовном их выселении в отдаленнейшие губернии России”» [6, с. 21].

Он также полагал, что российская администрация искусственно преобразовала исторически сложившуюся систему региональных этнических и политических отношений, насильственно изменяя традиционную идентичность территориальных общин. Согласно эмоциональной характеристике С.П. Басария, «население <...> восточной части Абхазии... народ такой же традиционный, как все абхазы в отстаивании своей боевой старины, был канцелярией царя переименован в “самурзаканское племя”, которое в сущности не существует ни для истории, ни для этнографии, ни для лингвистики <...> зато сколько поводов создалось для наступательного национализма, чтобы создавшееся положение использовать для ускоренного проведения всех видов ассимиляции <...> интриги, доносы заингурусских приверженцев русского самодержавия отторгнули свободолюбивую Самурзакань от всей Абхазии <...> и сделали <...> “приставством” державного царя» [8, с. 29].

Абхазский общественный деятель и интеллектуал видел в революционных преобразованиях, осуществлявшихся большевистским правительством, принципиальную возможность для национального возрождения, опирающегося на последовательное восстановление исторических особенностей региональной жизни. С.П. Басария полагал, что «со дня установления советской власти в Абхазии, со дня объявления Абхазии самостоятельной республикой, здесь сразу наступает время анационализма <...> национального индифферентизма... так свойственного природе абхаза» [4, с. 109]. Оптимистичное настроение абхазского мыслителя скоро изменится в результате непосредственного восприятия сталинской политики, предполагавшей последовательную грузинизацию рассматриваемого региона, но он будет видеть в подобной трансформации естественный результат властного произвола, а не консолидированную волю советского народа.

Аналогичную ментальную эволюцию, отраженную в образных художественных формах, продемонстрировал и С.Я. Чанба. В ярком произведении «Дева гор», отражающем поэтическую картину предшествующей абхазской истории, он предложил довольно мрачный образ имперской экспансии и трагического махаджирства.

Но всего грознее туча,
Та, что с Севера нависла
Черной ночью оковала,
Без просвета, без надежды

И спускались с гор абхазы,
Дети пленной Диво-Девы,
И родную землю кинув,
В даль неведомую плыли
[19, с. 31–32].

Похожие мысли выдающийся абхазский поэт и общественный деятель выразил и в прозаической форме, характеризуя экономическую ситуацию в рассматриваемом регионе, сложившуюся после российской инкорпорации. Он справедливо отмечал, что «...богатством Абхазии пользуются не сами хозяева, а посторонние. Вся Абхазия покрылась табачными плантациями, и каждый год из этой благодатной Аркадии вывозится более миллиона пудов табаку; так что посторонние наживаются, а сами абхазцы постепенно беднеют» [16, с. 7]. Однако, новая эпоха в абхазской истории, начавшаяся после революционных событий 1917 г. в России, изменила пессимистические настроения С.Я. Чанба. В короткой этнографической зарисовке «Апхярца» (горская двухструнная скрипка – *Н.Т.*) он характеризует изменившийся взгляд на окружающую действительность, эмоционально заявляя, что «с Севера свет! Не с востока – с севера» [20, с. 170]. Вскоре С.Я. Чанба, также как и других абхазов, будут настойчиво убеждать в том, что солнечный свет всегда исходил только от восточного соседа и «старшего брата», но принципиальный интеллигент не изменит собственным убеждениям.

Избранные абхазские интеллектуалы, как и видные представители сибирского областничества, приняли непосредственное участие в реальных проектах регионального самоопределения, развивавшихся в сложных условиях революционных потрясений и оставшихся в исторической памяти местного населения вне зависимости от итогового результата. В частности, С.П. Басария был избран председателем Абхазского национального совета, недолгая деятельность которого стала своеобразным символом народного стремления к последовательному восстановлению национальной государственности [14].

Он также являлся активным участником синхронной разработки первого проекта абхазской конституции и убежденным сторонником политической интеграции с родственными сообществами Северного Кавказа, отразившейся в известном проекте Горской республики. С.П. Басария и

М.И. Тарнава приняли деятельное участие в последовательном восстановлении самостоятельной церковной организации в Абхазии, рассматривавшейся как важный идеологический фактор национального самоопределения. Указанные проекты не получили системного развития вследствие известной оккупации абхазской территории меньшевистским правительством Грузии, но сыграли важную роль в дальнейшем формировании этнической, общественной и государственной идентичности местного социума.

Видные представители сибирской областнической традиции и абхазские интеллектуалы не только сформулировали близкие концептуальные подходы к региональной истории, но и прошли похожий жизненный путь, оказавшись реальными или мнимыми политическими оппозиционерами и в советский период. Известные областники М.П. Головачев, П.В. Вологодский, И.А. Якушев, И.И. Серебренников, И.К. Окулич активно взаимодействовали с управленческими структурами «верховного правителя» А.В. Колчака и были вынуждены покинуть Россию, продолжив системную разработку автономистских проектов в эмиграционной среде [21]. Разделявшие областнические идеи сибирские литераторы Н. Анов, Н. Феоктистов, И. Ерошин, Е. Забелин, С. Марков и Л. Мартынов, действовавшие в рамках творческих сообществ «Памир» и «Сибирская бригада», подверглись в начале 1930-х гг. уголовному преследованию за антисоветскую агитацию [12]. В данном случае политические репрессии свелись к краткосрочным ссылкам и условным сроками исключительно благодаря краткосрочной «оттепели» 1932 г., связанной с тщательно подготовленным возвращением А.М. Горького и начавшимся созданием единой писательской организации. Личная судьба абхазских интеллектуалов С.П. Басария, М.И. Тарнава и С.Я. Чанба имела гораздо более трагический итог, predeterminedный развернувшимся строительством «новой Абхазии», в которой автохтонному этносу отводилось подчиненное положение. Как и многие представители местной политической элиты и творческой интеллигенции, они были арестованы и расстреляны по ложным обвинениям, отмененным в период массовой реабилитации хрущевской эпохи [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Басария С.П. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (К материалам по изучению абхазских племен). Сухум, 1929.
2. Басария С.П. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
3. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
4. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003.

5. Басария С.П. Горцы Кавказа в Турции // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
6. Басария С.П. Забытый край // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
7. Басария С.П. Опять в Абхазии // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
8. Басария С.П. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1990. Вып 1.
9. Бгажба Х.С. Предисловие // Чанба С. Избранное. Сухуми, 1960.
10. Дзидзария Г.А. С.П. Басария // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
11. Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
12. Куняев С.Ю. «Огонь под пеплом (дело «сибирской бригады»)» // Наш современник. 1992. № 7.
13. Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-кале ...». Сухум, 2011.
14. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
15. Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в Абхазской советской историографии. Сухум, 2009.
16. Самсон Яковлевич Чанба. На пути к сознательности. (Статьи, заметки, 1911–1916 гг.). Составитель Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1982.
17. Симон Басария. Биографический очерк. Статьи. Автор биографическо-го очерка и составитель сборника Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1984.
18. Тарнава М.И. Краткий очерк истории абхазской церкви. Сухум, 1917.
19. Чанба С. Дева гор. На абхазском и русском языке. Перевод с абхазского В. Стражева. Сухум, 1923.
20. Чанба С. Избранное. Сухуми, 1960.
21. Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков. Иркутск, 2003.

TRANSLIT

1. Basarija S.P. Abazinskij aul v Malo-Karachaevskom okruge (K materialam po izucheniju abhazskih plemen). Suhumi, 1929.
2. Basarija S.P. Abazinskij aul v Malo-Karachaevskom okruge // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
3. Basarija S.P. Abhazija v geograficheskom, jetnograficheskom i jekonomicheskom otnoshenii // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
4. Basarija S.P. Abhazija v geograficheskom, jetnograficheskom i jekonomicheskom otnoshenii. Suhumi, 2003.
5. Basarija S.P. Gorcy Kavkaza v Turcii // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
6. Basarija S.P. Zabytyj kraj // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
7. Basarija S.P. Opjat' v Abhazii // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
8. Basarija S.P. Samurzakancy ili murzakancy // Materialy po istorii Abhazii. Suhumi, 1990. Vyp 1.
9. Bgzhba H.S. Predislovie // Chanba S. Izbrannoe. Suhumi, 1960.
10. Dzidzarija G.A. S.P. Basarija // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
11. Dzidzarija G.A. Formirovanie dorevoljucionnoj abhazskoj intelligencii. Suhumi, 1979.
12. Kunjaev S.Ju. «Ogon' pod peplom (delo «sibirskoj brigady»)» // Nash sovremennik. 1992. № 7.
13. Lakoba S.Z. «Krylilis' dni v Suhum-kale ...». Suhumi, 2011.
14. Lakoba S.Z. Ocherki politicheskoi istorii Abhazii. Suhumi, 1990.
15. Salakaja S.Sh. Voprosy istorii Abhazii XIX – nachala XX veka v Abhazskoj sovetskoj istoriografii. Suhumi, 2009.

-
16. Samson Jakovlevich Chanba. Na puti k soznatel'nosti. (Stat'i, zametki, 1911–1916 gg.). Sostavitel' G.A. Dzidzarija. Suhumi, 1982.
 17. Simon Basarija. Biograficheskiy ocherk. Stat'i. Avtor biograficheskogo ocherka i sostavitel' sbornika G.A. Dzidzarija. Suhumi, 1984.
 18. Tarnava M.I. Kratkij ocherk istorii abhazskoj cerkvi. Suhum, 1917.
 19. Chanba S. Deva gor. Na abhazskom i russkom jazyke. Perevod s abhazskogo V. Strazheva. Suhum, 1923.
 20. Chanba S. Izbrannoe. Suhumi, 1960.
 21. Shilovskij M.V. Oblastnichestvo i regionalizm: jevoljucija vzgljadov sibirskogo obshhestva na puti inkorporacii Sibiri v obshherossijskoe prostranstvo // Administrativno-gosudarstvennoe i pravovoe razvitie Sibiri XVII–XX vekov. Irkutsk, 2003.